

экономика

Михаил Хазин

Кризис и модернизация

стр 6

мнение

Сергей Исрапилов

Пора прийти в себя

стр 8

Точка ру

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

№7(31)

2009

образование

Руслан Уфимцев

Зачем реформируют российские вузы?

Болонский процесс: за и против

В 2003 году наша страна присоединилась к Болонскому процессу, цель которого — унифицировать национальные высшие школы стран Европы, чтобы их выпускники могли трудоустроиваться по специальности в любой стране Евросоюза. В 2001-2008 годах в порядке эксперимента некоторые принципы

Болонской парадигмы образования были внедрены в ряде вузов России. С 2010 года страна полностью перейдет на двухступенчатую (бакалавр-магистр) Болонскую систему.

Но, как признает само руководство Минобрнауки, присоединение России к Болонскому процессу вовсе не означает полного отказа от

национальной системы образования. Прежде всего, реформирование затронет не всю высшую школу: в прежнем виде сохранятся вузы МВД, ФСБ, Министерства обороны, медицинские и технические вузы, готовящие специалистов, например, для нефтяной или для оборонной промышленности.

стр 4

манипуляция сознанием

Сергей Черняховский

Имена на карте Родины

На фоне и, очевидно, под воздействием нескольких последних скандалов вокруг инициатив о переименованиях Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос об отношении населения к самой идее переименования. Данные он получил интересные, но интерпретировал их вполне в своем духе.

стр 3

реанимация истории

Виктор Кожемяко

Противостояние вокруг царя

Окончание. Начало в №№ 29-30

стр 7

— Кому же было доверено возглавить надёжную охрану царя и его близких при переезде из Тобольска в Екатеринбург?

— Это Константин Алексеевич Мячин, член партии большевиков с 1904 года, организатор боевых дружин во время первой русской революции. В октябре 1917-го стал членом Военно-революционного комитета, делегат II съезда Советов. Был членом коллегии ВЧК и заместителем Дзержинского сразу после создания этой

организации. Самая главная его характеристика — человек редко смелый и решительный.

государство

Михаил Ремизов

Несбывшееся зовет нас

На сакраментальный вопрос десятилетней давности — «кто такой мистер Путин»? — уже спокойно можно давать ответ.

Путин — это президент-оптимизатор, президент-инженер, а не президент-архитектор. Это практик, который не может создать новую политическую и социальную реальность, но отлаживает ту, которая ему досталась в наследство. Поэтому Путин осу-

ществил отладку ельцинской России. Поскольку сама ельцинская Россия — это ущербная уродливая конструкция, то и ее отладка «на выходе» не дает шедевра. Но можно быть уверенным: если бы Путину досталась более добротная конструкция, то, очень вероятно, результат нас устраивал бы куда больше.

Путин никогда не покушался на основы политико-экономического

устройства России, созданные в эпоху Ельцина. Но его с самого начала волновала проблема управляемости этого государства, управляемости той системы, которой ему было поручено руководить. А восстановление управляемости и повышение эффективности действующей системы — это формальные задачи, которые не требуют никакого содержательного целеполагания.

стр 2

Михаил Ремизов

Несбывшееся зовет нас

Программа Путина в этом смысле выглядит так: независимо от того, что ты делаешь, хорошо бы повысить эффективность. Независимо от того, чем ты управляешь и с какой целью — хорошо бы повысить управляемость. Путин отладил и довел до оптимума сложившуюся при Ельцине политическую, административную, экономическую систему.

Были ли какие-то альтернативы путинской методологии отладки России? Очевидно, были, если сам проект «Путин» был ответом на угрозу смены власти, угрозу интересам господствующей элитной группы. Стоит ли сожалеть об этих альтернативах? Вопрос сложный. Опыт правительства Примакова-Маслюкова вселял определенные надежды. Надежды на преимущественную поддержку обрабатывающей промышленности, а не сырьевого лобби, надежды на системный пересмотр итогов приватизации, то есть на реальную деолигархизацию. Проблема с этой предполагаемой альтернативой в том, что осуществить деолигархизацию можно лишь с опорой на какие-то социальные слои и политические силы, допустим, на средний класс, на армию. Но у Примакова на тот момент, когда он боролся за власть, была опора, скорее, в среде региональной бюрократии. А эта социальная группа объективно не являлась агентом модернизации и борцом с олигархией. Путин был ставленником «Семьи», но и у его оппонента был свой «скелет в шкафу» — явный дефект социальной базы, за ним стояла региональная элита и часть бюрократии, которая существенно не отличалась от своих оппонентов.

Альтернатива, о которой действительно стоило бы сожалеть, касается не персоналий, а самого шанса на демократическую смену власти. Пока этого не произошло — пока не произошло смены правящих команд без разрушения государственной

системы, мы вообще не можем быть уверены, что российская республика состоялась. Вроде бы, она существует вот уже 18 лет — возраст гражданского совершеннолетия, — но тень несостоятельности, этот назойливый вопросительный знак, продолжает висеть над ней.

Возможность смены правящих команд была заблокирована вполне сознательно и планомерно как в 1996 году, так и в 1999. Сегодня это оправдывают тем, что, мол, «отдавать» кому-то власть было слишком опасно для страны — государство не устояло, мало ли что с ним сделают «соискатели». Но сегодня, увы, у нас гораздо меньше шансов на нормальную ротацию власти — то есть, опять же, на смену власти без разрушения существующей государственной системы, — чем в 1996 и в 1999 гг. И вероятно, чем дольше будет сохраняться режим консервации власти, тем в большей степени ее «ротация» будет означать «катастрофу».

Но если возвращаться к альтернативам путинскому правлению, то главная несбывшаяся альтернатива, как мне кажется, была связана с самим Путиным, точнее со временем «раннего» Путина, а не с Примаковым. В нулевых годах у России были три прекрасных исторических шанса. Они были упущены.

Первый шанс — это шанс на *моральное оздоровление и модернизацию армии*. Российская армия, выигравшая вторую чеченскую кампанию, была на пике общественного доверия и веры в себя. Она ощутила то, чего давно не было — политическую волю. На всех уровнях нашлись люди, которые готовы идти до конца. Она получила шанс почувствовать себя солью земли, солью нации. Этого не произошло. Причем, опять же, этого не допустили. Об этом говорят чистки среди генералов, прошедших чеченские кампании, после завершения активной фазы операции. Об этом говорит резкий разворот информационно-

пропагандистской машины — от мобилизации национальных чувств к искусственной антифашистской кампании и к развязыванию «суда над победителями». Об этом говорит, наконец, беспрецедентное унижение и ослабление армии на фоне иных российских силовых ведомств, вкусивших от путинской стабильности.

Хочу подчеркнуть, речь не об ущемлении ведомственных интересов армии, а об общенациональной роли этого института. Завершение второй чеченской кампании было идеальным моментом для начала строительства новой армии, которая необходима России, а строительство новой армии, в свою очередь, — важнейший аспект нацистроительства. Победа во второй чеченской войне содержала мощный потенциал по консолидации русской политической нации как молодой, восходящей силы. Причем восходящей — в такт обновленному государству. Увы, государство этого не захотело, поэтому последующая кристаллизация национального сознания стала происходить не вокруг него, а помимо него, а то и против него.

Второй шанс — это шанс на *модернизацию и диверсификацию экономики*. В начале нулевых годов сохранялся эффект посткризисного роста, происходило спонтанное импортозамещение. Это было благоприятным моментом для программы реиндустриализации страны. Особенно, на фоне роста цен на нефть и газ, который делал возможным прямую и косвенную перекачку средств из добывающего в обрабатывающий сектор экономики. Эта возможность была отброшена президентом и его экономическим окружением, причем, опять же, вполне сознательно и планомерно. Произошло закрепление сырьевой специализации экономики, бурный рост доли импорта на российском рынке, стерилизация «сырьевых» доходов в резервах и финансовых пузырях.

Третий упущенный шанс времен «раннего» Путина — шанс на *реинтеграцию постсоветского пространства*. В начале нулевых центристские тенденции вокруг России преобладали. Было создано ЕврАзЭС. Сохранялась институциональная база союза с Белоруссией. Забрехали перспективы в отношениях с Украиной. Ждал интеграционных предложений Казахстана, еще не опьяненный своим успехом. В целом, усилился интерес к России и положительный образ России на постсоветском пространстве. В том числе, благодаря ее новому динамичному лидеру. Создание регионального интеграционного блока на тот момент было более возможно, чем когда-либо.

Вместо этого, внешняя политика России в прирубежных странах была подчинена «газовому императиву». Тем самым она лишилась исторической перспективы, исторического видения своих возможностей и целей. Газовая геополитика стала любимой игрой 2000-х. Игрой — и это мы сегодня можем сказать с полной уверенностью — абсолютно и заведомо проигрышной, причем не только с точки зрения национальных интересов России как региональной державы, но и с точки зрения тех узких лоббистских целей, которые в ней преследовались.

Таковы для меня три главных шанса, которые были связаны с «ранним Путиным». Упустив или отвергнув их, он не стал: собирателем Российской империи, автором русского экономического чуда, лидером русской нации.

Эти три «не», как мне кажется, исторически важнее любых позитивных утверждений о Путине. Важнее — совсем не потому, что хочется как-то уязвить или осудить Путина. Просто все то несбывшееся, что было некогда связано с его именем, по-прежнему зовет нас.

www.apn.ru

Левон Григорян

Одна из граней проблемы ЕГЭ

Экзамены по разным предметам не могут быть одинаковыми, так как предметы ощущаются по-разному друг от друга. Рассмотрение ЕГЭ как такового, независимо от предмета, означает, что речь идет о политическом — в сущности, денежном аспекте проблемы. Я не встречал в публикациях даже намека на научно-методическую оценку особенностей ЕГЭ. Речь пойдет об этом.

Математике свойственна определенность, как вопросов, так и ответов. Всё сводится к известным определениям и теоремам. Обсуждение основных понятий, как, например, точка, натуральное число или аксиома, выходит за рамки математики и не имеет отношения к курсу. Язык, на котором формулируются как вопросы, так и ответы, не допускает разных толкований сказанного.

Физика отличается принципиально. Нет ответов на вопросы «почему?» Например, почему падает выпущенная из рук вещь или почему вокруг движущегося заряда образуется магнитное поле. Можно подробнейшим образом описать, как движется падающее тело и каково магнитное поле. Рассмотрение любого вопроса «почему?» переводит разговор в плоскость философии, теологии, чего угодно, но не физики. Единственный ответ на подобные вопросы в рамках физики: это показывает опыт. Причём этот ответ выражает корневую особенность физики — все утверждения физики основаны на опыте и только на опыте. Выбор излагаемых в курсе опытов и наблюдений

допускает произвол в смысле личных предпочтений преподавателя (кроме, конечно, классических опытов). Любая задача из задачника предполагает известной читателю её множества сведений, не написанных в тексте, например, постоянство g на всей траектории движения тела и множество других допущений. В задаче по математике перечислено всё, и нет ничего лишнего. В изложении тем физики неизбежно наличествует много, так сказать, бытовых слов и, значит, возможна неоднозначность их толкования. В физике возможны два одинаково правильных изложения, отличающихся друг от друга, и, следовательно, разные оценки содержания в зависимости от личных предпочтений, особенностей восприятия «потребителя» изложения.

Указанные (и не указанные) принципиальные отличия физики и математики исключают единообразие экзамена по этим предметам. Другие предметы имеют свои особенности. Значит, видимо, надо говорить не только о том, это хорошо или плохо ЕГЭ, но и о том, какая форма проведения ЕГЭ хороша или плоха по тому или иному предмету.

Тех людей, которые принимают решения о ЕГЭ, всё это не волнует. Они занимаются делом: «стригут бабки». Но ведь не все участвующие в обсуждении причастны к этому «делу».

Левон Григорян,
преподаватель физики и математики

Сергей Черняховский

Имена на карте Родины

В результате, были анонсированы три вывода: Первый. Относительное большинство россиян (41%) допускает переименование городов, улиц, вокзалов и других объектов, треть (33%) — категорически против.

Второй. Главные аргументы в пользу переименования — возвращение исконных названий (15%) и увековечивание памяти выдающихся личностей, событий (8%).

Третий. Против переименования россияне выступают из-за денежных затрат и опасности забвения и искажения истории.

Здесь главным выглядит первый вывод, суть которого при данной подаче воспринимается как: «Большинство граждан выступает за переименования объектов».

Однако, работая с материалами ВЦИОМа, как минимум нужно проверять анонсируемые выводы, сравнивая его хотя бы с его же цифрами.

И тогда что же получается на самом деле? В анонсе ВЦИОМа 41% допускает переименование, то есть, что откладывается в восприятии, 41% за переименование, тогда как 33% — против. Остальные исчезают неизвестно куда.

На самом деле цифры совсем иные, причем, именно в том самом исследовании ВЦИОМа, которое он анонсирует.

Первый вариант ответа: «Безусловно отрицательно, считаю переименование недопустимым ни при каких обстоятельствах» — действительно набирает 33% и составляет как раз относительное большинство, поскольку ни один из вариантов ответа больше этого числа не собрал.

Второй вариант: «Безусловно положительно, считаю, что объектам обязательно надо возвращать исторические названия», то есть то, что ВЦИОМом объявлялось большинством, — набирает самое малое число голосов в поддержку — 14%.

Третий вариант: «В целом переименование нежелательно, но допустимо при особых на то причинах» — набирает 27%.

При этом 21% заявляет, что им это безразлично. Никакой цифры в 41% в данных ВЦИОМа просто нет. Он ее, ну, не то чтобы выдумал, но произвольно сконструировал. Он просто взял 14% выступающих за переименование и плюсовал к 27%, которые относятся отрицательно, но «в крайнем случае допускают». Слова «в крайнем случае» — опустил.

Его цифры реально имели значение: «большинство относится к переименованию негативно (33% + 27% = 60%)», и лишь 14%, абсолютное меньшинство — позитивно, то есть общий счет 60/14.

ВЦИОМ проделал несложную махинацию, суммируя практически полярные категории — тех, кто за, и тех, кто против, но, в крайнем случае, готов согласиться — и превратил абсолютное меньшинство (14%) в относительное большинство — 41%.

Представьте себе опрос: «Вы готовы отказаться от обуви и ходить по улицам босиком?» И ответы: «Ни в коем случае» — 33%, «готов — 14%», «Вы что сдурели? Разве что в крайнем случае!» — 27%. «Мне все равно, я не выхожу из дома» — 21%.

И последующая интерпретация ВЦИОМа: «Большинство граждан страны (41%) готовы по призыву партии отказаться от ношения обуви и лишь меньшинство (33%) выступает против». Вывод — прекращаем производство обуви ради экономии государственных средств в период кризиса.

Вот так они работают.

Если же говорить о различных политических сегментах общества, то оказывается, что негативно (то есть, либо абсолютно против наимено-

вания, либо негативно, но при допущении лишь в крайнем случае) относится 59% сторонников «Единой России», тогда как позитивно — 13%.

У КПРФ, что неудивительно, негативно к переименованиям относится 74%, тогда как позитивно — 9%.

У ЛДПР, соответственно, негативно 60%, позитивно — 20%.

У «Справедливой России» — негативно 64%, положительно — 18%.

У объединенных ВЦИОМом в одну категорию «Правое дело», «Патриотов России» и «Яблока» (это ж надо так сгруппировать?! — отрицательно относится 54%, положительно — 23%.

У не намеренных голосовать: отрицательно — 55%, положительно — 15%.

Сторонники всех политических партий, представители всей частей политического спектра — в абсолютной своем большинстве — против переименований, не желают их. Самая маленькая доля таких — 54%. Самая большая доля поддерживающих переименования — 23%. Это там, где «Правое дело» и «Яблоко» — оно и понятно. Но и в этой группе — отношение «против» к «за» составляет 2/1.

Где тут, хоть по-русски, хоть по-латински, хоть по по-ирокезски можно прочесть «относительное большинство поддерживает переименования»? Можно. Но только в измышлениях отдельных специалистов ВЦИОМа.

Почему и что заставляет их так считать? Политический заказ.

Вопрос «Как Вы относитесь к переименованию городов, улиц, вокзалов и пр.?», — формально не несет в себе политики. Но реально — это сугубо политический вопрос. И потому, что касается истории вообще (кстати, вопрос имени — это вообще реально политический вопрос). И потому, что задается в реальном политическом поле.

Конечно, формально он относится в равной мере как к тому, чтобы переименовать в свое советское название Большой Коммунистической, так и к тому, чтобы лишиться своего имени станцию метро «Войковская». Как к тому, чтобы вернуть городу, выдержавшему Ленинградскую Блокаду, имени, под которым он его выдерживал, — так и к тому, чтобы отобрать имя у города Киров.

Но при общем доминировании желаний властей речь идет именно о переименовании советских названий.

Если большинство, как утверждает ВЦИОМ, выступает за переименования, то в таком контексте нужно переименовывать. Если, как показывают его же реальные цифры, большинство относится к переименованиям отрицательно — то вроде бы не совсем с руки. ВЦИОМ, среди прочего, осваивает бюджеты власти. Вот и старается нравиться. Перевернуть цифры напрямую, написать, что 80% «радостно приветствуют» — другие проведут свои исследования. Поймают на прямой лжи — упадет престиж, верить не будут. Верить не будут — заказы делать не будут. Надо сохранять лицо.

Вот и появляются интерпретации и формулировки вопросов вроде недавнего: «Вы за русских или за социальную справедливость?»

Приходится проявлять изобретательность. Тем более, что полгода назад ВЦИОМ подобный опрос уже проводил. Только формулировки были четче — и получилось тоже не совсем хорошо с указанной точки зрения.

Это было в конце декабря 2008 года. Был задан вопрос: «Какое из следующих суждений о символах коммунизма (названия улиц и площадей, серп и молот, памятники и т.п.) скорее соответствует Вашему мнению?»

И были получены результаты:

Первый вариант ответа: «Символы коммунизма — это часть нашей истории и их необходимо сохранить» — 65% (!) граждан.

Второй вариант: «Символы коммунизма — это пережиток прошлого и от них необходимо избавляться» — 20%.

Третий: «Символы коммунизма необходимо восстанавливать» — 5%.

Затруднились с ответом 10%.

Иначе говоря, 70% выразили положительное отношение к сохранению символов коммунизма, 20% — негативное.

При таких цифрах нетрудно предположить, что не слишком отличаются они и в электоратах различных партий. И оно действительно так.

Среди сторонников «Единой России» за сохра-

нение символов коммунизма выступили те же 65%, что и по стране в целом, за восстановление — 4%, за избавление — 22%.

Среди сторонников КПРФ соответственно — 75%, 15% и 5% (за избавление — интересные сторонники у КПРФ).

Среди жириновцев 69% за сохранение, 1% — за восстановление, 22% — за избавление.

Среди сторонников «Справедливой России» за сохранение — 81% (существенно больше, чем у компартии), за восстановление — 5% (ровно как по стране в целом), за избавление — 11%.

Однако интересно и другое. ВЦИОМ тогда привел данные и по возрастным категориям. И оказалось, что хотя позитивное отношение к символам коммунизма несколько убывает с возрастом, оно все равно остается доминирующим во всех возрастных группах.

Так, в группе 60 лет и старше, за сохранение этих символов 73%, за восстановление — 7%, за избавление — 11%.

В группе 45-59 лет за сохранение 71%, за восстановление — 6%, за избавление — 15%.

В группе 35-44 года за сохранение 65%, за восстановление — 3%, за избавление — 23%.

В группе 25-34 года за сохранение 62%, за восстановление — 3%, за избавление — 25%.

В группе 18-24 года за сохранение 48%, за восстановление — 3%, за избавление — 35%.

Вообще вопрос о подобном соотношении доли многих оценок советского периода с возрастными изменениями — вопрос отдельный и интересный. Ведь каждый раз получается, что, более положительные оценки дают те, кто видел ту жизнь своими глазами. А отрицательные — те, кто только слышал о ней из СМИ. Но это отдельный вопрос. В данном случае дело в другом.

Даже при всех этих обстоятельствах, в самой неблагоприятной для советской символики возрастной группе положительное отношение к ней в полтора раза превосходит отрицательное.

Тогда же ВЦИОМ предложил и другие варианты ответов на этот же вопрос.

Первый: «Памятники коммунистическим деятелям не должны подвергаться сносу» — 60%.

Второй: «Памятники коммунистическим деятелям нужно перенести в другие места», — 12%.

Третий: «Памятники коммунистическим деятелям необходимо снести» — 8%.

Четвертый: «Памятники коммунистическим деятелям, которые были снесены, нужно вернуть на свои места» — 8%.

И получилось, что в этом случае, за снос памятников вообще выступает подавляющее меньшинство — 8% притом, что 80% так или иначе определенно не поддерживает идею сноса.

Ясно, что с такими данными ВЦИОМу было нелегко обращаться за заказами в Администрацию Президента. А власти — не с руки заниматься переименованиями в дореволюционном стиле. Центр попытался переформулировать вопрос — акцентировав внимание на камуфлированной возможности при случае переименовывать объекты «вообще». Ясно же, что на вопрос «а вообще можно» должен был следовать ответ «ну, ... вообще, ... в крайнем случае, ... чего только не бывает».

И получил практически тот же ответ: «Не нужно. Не по душе это нам».

Не получается. И с одной. И с другой стороны — все равно оказывается, что не хочет российское общество отказываться от символов коммунизма.

Как его ни убеждают — не хочет называть Ленинградский вокзал «Николаевским» — и все тут.

www.apn.ru

Руслан Уфимцев

Зачем реформируют российские вузы?

Далее, академическая свобода российских студентов вопреки Болонской парадигме сильно ограничена. У них даже после реформы сохраняются обязательные посещения лекций и семинаров, обязательные экзамены. Они не могут выбирать сами, сколько оставить предметов по выбору и сколько — базовых. Они лишены возможности выбирать себе преподавателей, как это делается на Западе.

Не исключено также, что бакалавриат в российских вузах будет частично платным, а магистратура почти повсеместно платной, хотя один из принципов Болонской парадигмы — выведение высшей школы из сферы рынка и, желательно, бесплатное высшее образование.

По мере расширения эксперимента все острее становилась дискуссия по поводу нововведений. Общество раскололось на два неравноценных лагеря: сторонников вхождения России в Болонский процесс, каковых меньшинство, и противников этого, каковых большинство. Рассмотрим аргументы тех и других.

Сторонники реформы говорят, что российские студенты смогут обучаться за границей, преподаватели станут стажироваться в зарубежных вузах, а наши вузы — принимать европейских педагогов, и это положительно скажется как на качестве образования, так и на укреплении культурных связей между Европой и Россией. Также выпускники российских вузов смогут трудоустроиваться в странах Европы. В результате реформы, как считают ее сторонники, подготовка специалистов станет более эффективной. За счет исключения из учебных программ вводных и общих предметов, можно будет сократить подготовку на год, сделав при этом больший упор на обучение навыкам будущей профессии. Появление курсов по выбору увеличит свободу студента, даст ему возможность получать более разностороннее образование. Академические кредиты (система баллов) сделают оценку знаний и умений более прозрачной, объективной, а их накопительный характер дает возможность не пересдавать предметы после перерыва в учебе, а продолжать образование, суммируя новые кредиты к уже имеющимся.

Сторонники реформы делают отсюда вывод, что в целом она направлена на повышение эффективности высшего образования России, приближения его к европейским стандартам и соответствия с новыми условиями жизни.

Противники реформы предполагают, что сближение нашего образования с евростандартами будет способствовать «утечке мозгов». Сокращение срока учебы до 4 лет и упразднение ряда дисциплин снизит уровень подготовленности выпускников и их конкурентноспособность на рынке труда. Конкурсный отбор при поступлении в магистратуру и тем более введение платы за нее лишит многих студентов возможности получить полноценное образование. Система кредитов приведет к тому, что студенты будут стремиться набрать баллы легкими способами (например, не работая в лаборатории, а самостоятельной работой, которую труднее проконтролировать), в итоге диплом бакалавра получат студенты, не обладающие должной

квалификацией. В результате реформы, по словам ее критиков, российское высшее образование утратит свое национальное лицо, произойдет разрыв с отечественной университетской традицией.

Противники реформирования по Болонскому образцу делают отсюда вывод, что цель реформы — разрушение отечественной системы образования и ослабление России.

Однако мы считаем, что ни тот, ни другой вывод не соответствуют действительности.

Сторонники реформы не правы в том, что она позволит нашим студентам обучаться на Западе. Выезд за рубеж и проживание там должны быть финансово обеспечены — реформа не предусматривает государственных расходов на пребывание студентов за рубежом. Что же касается трудоустройства выпускников в Европе, то в странах Евросоюза констатируется стабильная (от 5 до 10%) безработица, и даже выпускники европейских вузов не могут найти себе место, вряд ли при этом работодатели будут отдавать предпочтение выпускникам из России. Далее, трудно не согласиться с утверждениями противников реформы о том, что переход на подготовку бакалавров приведет к качественному понижению уровня выпускников. Бакалавр педагогики или агрономии, безусловно, будет уступать дипломированному специалисту, учившемуся пять лет по стандартной программе. Сами архитекторы реформы не вполне искренни, когда убеждают всех, что бакалавриат эффективнее специалитета или, по крайней мере, не уступает ему. Если бакалавриат столь эффективен, то государство было бы заинтересовано ввести его в вузах, которые готовят специалистов жизненно важных, приоритетных областей. Однако, как мы уже замечали, руководство страны не пожелало вводить «эффективный» бакалавриат в учебных заведениях Минобороны, ФСБ, МВД. Под аккомпанемент красивых речей о модернизации образования руководству страны своими делами показало, что считает традиционный российский специалитет более эффективным.

Но отсюда же видно, что не правы те, кто считает, будто наше руководство целенаправленно разрушает доставшуюся от СССР систему высшего образования, действуя в интересах наших геополитических противников. Если бы это было так, то логично, что разрушение надо начать со стратегических областей — тех же вузов Минобороны, МВД, ФСБ. Кроме того, Запад заинтересован в том, чтобы Россия не имела своих специалистов-нефтяников — это способствовало бы проникновению в нашу нефтяную индустрию западных специалистов. Однако соответствующие вузы остались в целостности и сохранности. Это значит, что государство российское обладает в большой степени свободой и независимостью действий и всерьез заботится о самосохранении и укреплении. Но каковы тогда причины столь активного и непреклонного «реформирования» значительной части российских вузов? Чтоб ответить на этот вопрос, следует обратиться к специфике советской системы высшего образования и к ее судьбе в нашу, постсоветскую эпоху.

Советская система высшего образования

В своем классическом виде советская высшая школа была создана в начале 1930-х гг.

После революции университеты бывшей Российской империи были подвергнуты целому ряду ультра-радикальных экспериментов, во многом напоминающих современную Болонскую реформу. Срок обучения в вузах был сокращен до 3 — 3,5 лет, а для лиц, желающих заниматься после вуза научной работой, были созданы специальные курсы, «подтягивающие» будущих аспирантов к уровню дореволюционного выпускника, что напоминает бакалавриат и магистратуру. Лекционные занятия были сведены к минимуму и заменены семинарами, где использовались самые авангардные педагогические технологии, упор делался на самостоятельную работу студентов. Список общеобязательных дисциплин был сокращен с тем, чтоб студенты занимались их углубленным изучением. Наконец, вместо экзаменов и зачетов была введена система баллов, похожая на современные академические кредиты.

Однако эта реформа привела к плачевным результатам. Когда перед страной встала необходимость ускоренной индустриализации, выяснилось, что высшая школа не может обеспечить народное хозяйство квалифицированными специалистами. Вузы заканчивали лишь около 10% тех, кто поступил в них, но и эти выпускники были полуграмотными, им нельзя было доверять серьезные технические и организационные задачи.

В начале 1930-х годов партия и правительство выпускают ряд документов, которые существенно изменили советскую высшую школу. Обучение было продлено до 5 лет и стало одноуровневым, были восстановлены ученые степени и звания, введены лекции, семинары и экзамены, пятибалльная система оценок и зачетные книжки, приняты общеобразовательные учебные планы и программы. Советская высшая школа начала приобретать тот вид, к которому мы привыкли. К 1960-70-е гг. она сформировалась окончательно.

Наиболее характерными чертами, резко отличающими советский вуз от западного университета, были:

1. *Общедоступность высшего образования.* В отличие от стран Запада и от дореволюционной России, для которых характерно существование «школы двух коридоров» (школы для элиты и школы для народа), в СССР была создана общая бессловесная бесплатная средняя школа, по окончании которой каждый имел право сдавать экзамены в вуз. Система поступления строилась так, чтоб единственным критерием были соответствующие способности. Государство боролось с тенденцией «элитаризации образования»: вводились квоты на прием большого числа рабочих и крестьян, создавались «рабочие факультеты», бесплатные подготовительные курсы для абитуриентов. Помимо этого система олимпиад, заочных школ при вузах позволяла обнаруживать юные таланты еще на школьной скамье, из каких бы социальных слоев они ни происходили, и способствовать их поступлению в вуз.

Общепризнанно, что индустриальный рывок, который СССР со-

вершил дважды — в 1930-х и в 1950-х гг., во многом был обеспечен доступным бесплатным, углубленным и систематичным школьным и вузовским образованием.

2. *Полное огосударствление высшей школы.* Советская высшая школа в отличие от университетской системы Запада находилась полностью под контролем государства. В СССР не было и в принципе не могло быть частных вузов. Государство полностью контролировало всю жизнь и деятельность высшей школы. Вузы были лишены даже намеков автономии: от Бреста до Владивостока действовали одни и те же принятые государством учебные планы и программы; ученые степени и звания по всей стране утверждал общесоюзный государственный орган (ВАК СССР). Даже на должности в университетской иерархии назначали с согласия соответствующих партийных и государственных органов.

Безусловно, это имело ряд негативных последствий (мало учитывались особенности того или иного региона, в руководство университетов попадали случайные люди: карьеристы и бюрократы), вместе с тем, эти недостатки были связаны и с определенными достоинствами. Прежде всего, благодаря этому была осуществлена стандартизация высшего образования по всей территории страны. Выпускник сибирского вуза мог поехать работать на Украину, и там были уверены, что он получил тот же самый набор знаний и умений, что и выпускник украинского вуза. Причем, эта стандартизация была ориентирована не на низкую или среднюю, а на высокую планку. Благодаря системе распределения, выпускник московского элитарного вуза преподавал в Комсомольске-на-Амуре, и уровень образования в маленьком дальневосточном городе приближался к столичному. В этом состояло еще одно принципиальное отличие советской высшей школы от западной, ведь в Европе и США в каждом университете различные учебные программы: ученый, защитивший диссертацию в одном вузе, получает степень, которая не признается в другом. В общем-то, Болонская система на Западе и направлена на то, чтобы ликвидировать этот хаос. Можно сказать, что в ходе сталинской реформы высшей школы в СССР были уже выполнены те задачи, на решение которых в Евросоюзе направлена Болонская реформа.

3. *Авторитаризм учебного процесса.* Для советской высшей школы был характерен авторитарный характер отношений между преподавателем и студентами, и вообще — всего учебного процесса. Идеалом являлось искреннее уважение студента к преподавателю и добровольное послушание ему. Студенты называли преподавателя на «Вы», по имени и отчеству, приветствовали вставанием, когда он входил в аудиторию, во время занятий они должны были вести себя тихо, не переговариваться между собой, не есть и не пить, не вставать и не ходить по аудитории. Советского студента могли обязать не носить определенный вид одежды или определенную прическу. Фактически преподаватель советского вуза, в отличие от своего западного коллеги, был не просто преподавателем, но и воспитателем.

Студенты не могли выбирать преподавателя, предметы и т.д., они обязаны были посещать все занятия под страхом наказания. Студенты были обязаны сдавать экзамены в установленный вузом срок, организовано, в составе студенческой группы.

Жизнь студентов в западном вузе строится по совершенно противоположным принципам. Там студент видит в преподавателе партнера, обращается к нему на «ты», оценивает его занятия, общается с ним в неформальной обстановке. Студент обладает самостоятельностью и активностью в плане организации учебного процесса: он сам решает, какие занятия каких преподавателей ему посещать, он может сдавать экзамен, когда ему угодно, прерывать учебу и снова возобновлять и т.д. В европейских вузах не является обязательным нормативом закончить учебу в определенный срок, никто не осуждает студентов, которые проходят курс вторично или в третий раз, более того, они делают это зачастую добровольно.

Обычно критики советской системы обращают внимание на то, что студенты наших вузов лишены элементарных либеральных прав, к ним относятся не как к полноправным гражданам, которые сами могут организовать свое учебное время и учебный процесс, а как к детям, которые нуждаются в том, чтоб за них решал «отец» — некая авторитетная инстанция (преподаватели, администрация вуза, министерство, государство). Но, не говоря уже о том, что такой авторитаризм ограничен для обществ традиционного типа, каковым во многом оставался СССР, он оправдывал себя практически. Благодаря авторитаризму и жесткой дисциплине советские вузы в короткий срок готовили в массовом количестве специалистов стандартного и выше стандартного уровня. Работая по принципу: «не хочешь — заставим, не можешь — отчислим», они выдавали более 90 квалифицированных выпускников на каждые 100 поступивших. Тогда как результатом академической свободы в западных университетах является то, что большинство студентов учатся гораздо больше срока, отведенного на получение определенной степени: например, вместо 3-4 лет от 5 до 7. И кроме того только около 30% получают итоговые академические степени, большинство бросают учебу на ранних стадиях. В сегодняшней Европе растет обеспокоенность этим фактом: ведь, с одной стороны, студенты требуют и добиваются бесплатного высшего образования, с другой, они готовы учиться десятилетиями; расходы на их обучение ложатся на плечи налогоплательщиков. Современные европейские политики пытаются решить эту проблему, не нарушая принципов «священной» для них либеральной парадигмы — личных свобод, они вводят плату за образование, дабы финансовый фактор подталкивал студентов учиться побыстрее, но за это приходится расплачиваться еще большей элитаризацией образования. Согласимся, что в Советском Союзе эта проблема была решена — за счет того самого авторитаризма, который теперь является предметом критики.

4. *Связь советской высшей школы с народным хозяйством.* Еще одна характерная черта советского вуза — его неразрывная связь с хозяйством. Он не давал образование свободным индивидам, которые сами решают, где применить свои знания. Советский вуз давал образование гражданам, которые, став специалистами, были обязаны отдать свой труд и умения в той области хозяй-

ства, на какую им укажет государство. В СССР существовала система трудового распределения, согласно которой каждый выпускник вуза обязан был в течение некоторого времени (обычно 3 года) «отработать» на определенном производстве, в определенном городе или поселке, причем по месту работы предоставлялись благоприятствующие условия (бесплатно давалось жилье, выплачивались деньги для устройства на новом месте).

То есть в СССР по-своему была решена проблема, которая стоит сейчас перед европейской высшей школой. Недаром одно из требований Болонского процесса — забота университетов о трудоустройстве студентов. Безработица или работа не по специальности — обычное дело для современных европейских выпускников, а ведь образование во многих странах Европы субсидируется государством, так что большие средства налогоплательщиков «выбрасываются на ветер».

Итак, в Советском Союзе была создана и функционировала общедоступная, государственная, авторитарная, тесно связанная с народным хозяйством высшая школа, которая досталась теперь в наследство РФ. Бесплезно сравнивать эту школу по эффективности с западной — это все равно, что спрашивать: что лучше, комбайн или самолет? Комбайн хорош для того, чтоб убирать хлеб, самолет — чтоб быстро перемещаться на большие расстояния. Западная и советская высшая школа также имели различные предназначения. Западная высшая школа характерна для общества либерального, модернистского типа, которое С.Г. Кара-Мурза определяет как «общество-рынок», так как почти все взаимоотношения в нем носят характер взаимовыгодного договора. Цель этой школы — предоставление выходцам из средних и высших классов возможностей для раскрытия индивидуальных способностей, досуга и т.д. Работать или не работать по специальности — дело индивидуального выбора, хотя система ценностей, во главу угла которой поставлена конкуренция, побуждает определенную часть молодых людей не просто учиться, а учиться хорошо, дабы повысить свой социальный статус. Результат такой системы образования — не просто специалист, а типаж социально активного индивидуалиста, готового к конкуренции и ориентированного на «успешность».

Цель советского вуза — производство большого количества специалистов, как минимум, среднего, а желательно и высокого качества для всех отраслей народного хозяйства. В отличие от западного или до-революционного российского вуза, для него норма — не 10% квалифицированных выпускников от общего количества поступивших, а более 90%. С этой целью связанна и его особенность: экзаменационная система отбирала пригодный для обучения «человеческий материал», принудительный характер обучения обеспечивал количественный фактор, обязательное трудоустройство переправляло этих специалистов в систему хозяйства.

Цель советского вуза была оправдана самими условиями его возникновения.

Во-первых, страна переживала ускоренную модернизацию и нуждалась во множестве специалистов самых разных отраслей.

Во-вторых, страна была ориентирована на экономическую самодостаточность, что также требовало постоянного воспроизводства большого количества специалистов.

В-третьих, в основе социальной

политики советского государства лежал принцип уравнительного распределения необходимых жизненных благ на всех без исключения граждан. Этот принцип восходил не только к коммунистической идеологии, но и к традиционной ментальности русских. Отсюда, например, стремление охватить медицинским обслуживанием всю страну, что требовало огромной «выпускной способности» от медицинских вузов (в странах Запада эти вузы все же ориентируются на выпуск специалистов для элиты, большие части общества сознательно не охватываются полноценной медицинской помощью).

Кстати, ориентированность советской высшей школы на задачи модернизации определяла и ее недостатки. Так, слабым местом советского вузовского образования была подготовка специалистов-гуманитариев. Гуманитарные науки требуют большей свободы, возможности дискутировать, отходить от канонов, все это вступало в противоречие с самим духом авторитаризма советской высшей школы, не говоря уже об официальной идеологии.

Высшая школа в эпоху перемен

В 1990-е в стране произошли большие изменения. Ввиду отказа государства от поддержки целых отраслей хозяйства, открытия национального рынка для дешевых товаров, криминализованной приватизации произошла радикальная реструктуризация хозяйства. Резко снизилось количество предприятий оборонной промышленности, практически была разрушена отечественная легкая промышленность. Ввиду недофинансирования, демографического кризиса и реформ уменьшилось количество школ, учреждений дошкольного воспитания. С упразднением колхозов пришла в упадок деревня, и значительная часть земли до сих пор остается необработанной, уменьшается также поголовье скота. Таким образом, снизилась потребность в специалистах самых разных профилей — инженеров, агрономов, учителей, библиотекарей и т.п. Кроме того, полуразвалившееся хозяйство не получает даже необходимого минимума специалистов. В стране произошел настоящий культурно-идеологический переворот, СМИ навязывают обществу новое сознание идеалы и ценности потребительства, легкого обогащения, в результате целый ряд профессий, ставших сегодня малооплачиваемыми (инженер, учитель и т.д.), утратил привлекательность в глазах молодежи.

Вместе с тем, доставшиеся от СССР вузы продолжают выпускать и выпускать новых специалистов, значительная часть которых не может, да и не хочет работать по специальности. Дипломированные инженеры и педагоги занимаются посредничеством, торговлей, частным извозом и т.д. В сущности, учеба в вузе для многих современных студентов — это лишь способ приобретения более высокого социального статуса, но не более того. Соответственно, со стороны студентов наблюдается массовый саботаж учебы (не говоря уже о том, что они и в вуз приходят гораздо хуже подготовленные, чем их предшественники 20 лет назад), преподаватели отвечают на это снижением критериев оценок, так как администрация не потерпит отчисления значительного числа студентов, особенно, «платников». Снижается и качество подготовки преподавателей.

В то же время, по данным текущего года, государство тратит на

обучение одного среднестатистического студента вуза около 45 000 рублей в год, а стоимость обучения на платных специальностях (не считая популярных юриспруденции и экономики) составляет около 30 000 рублей. И так, даже студенты, учащиеся на платной основе, не могут покрыть расходы государства на их обучение, государство доплачивает за них часть стоимости обучения, кроме того, оно оплачивает всю стоимость обучения бюджетных студентов. И это при том, что от 30 до 70% этих студентов не будут работать по специальности. Содержать себя сами вузы могут лишь за счет увеличения приема экономистов и юристов, но их и так переизбыток на рынке труда.

В этой ситуации необходимость реформы очевидна, и вызвана она не злой волей чиновников от образования, а теми патовыми обстоятельствами, в которые загнало себя руководство страны, осуществив шоковую реформу экономики. Система вузовского образования была тесно связана с промышленно-производственным и сельскохозяйственным комплексом, с советской системой здравоохранения, культуры и т.д., со всеми системами жизнеобеспечения страны. Разрушение их привело и к краху высшей школы. Вузовская система сверхдержавы так же плохо вяжется с полуразрушенной экономикой государства, живущего за счет экспорта энергоносителей, как колесо от «Мерседеса», приделанное к телеге.

Нашу высшую школу можно было бы сохранить, если бы политическое руководство взяло курс на восстановление промышленности, сельского хозяйства, военно-промышленного комплекса, общедоступной медицины, образования и т.д. Но поскольку неоднократно заявлялось об отказе от имперских амбиций и от патерналистского социалистического государства, то ясно, что систему высшего образования ждут большие перемены.

Современной России как региональной державе с государством олигархически-авторитарного типа и экономикой, ориентированной на экспорт энергоносителей, требуется иная высшая школа, которая готовит иных специалистов. Ей нужны хорошо подготовленные работники спецслужб, милиции и армейские офицеры для победы в региональных конфликтах и подавления внутренних мятежей, а также для контроля над преступностью и радикальной политической оппозицией. Поэтому в РФ в вузах МВД, ФСБ и Минобороны сохраняется специалитет. Большинство остальных вузов в значительной мере работают на получение «образования ради диплома», поэтому бакалавриата для них вполне достаточно, тем более что расходы государства на него меньше, чем на специалитет. В идеале, конечно, постсоветское российское государство вообще избавится от такого количества специалистов, которые уже не востребованы реструктурированным национальным хозяйством, на это и направлено будущее сокращение количества вузов, но пока ничего нельзя поделать со стремлением масс дать своим детям какое бы то ни было высшее образование. Поэтому им предлагают своеобразный суррогат — бакалавриат, тем более что качество образования для абитуриентов значения не имеет.

Таков наш ответ на вопрос о причинах реформирования высшего образования в РФ.

Михаил Хазин

Кризис и модернизация

Сегодня в руководстве страны и близких к нему кругах экспертов стало модным говорить о модернизации экономики. Это понятно. Кризис стал уже привычной рутинной, и говорить о нем как-то насучило. Ну, действительно, сколько можно?

С февраля месяца одно и то же. Вначале объявляется о том, что мы, наконец, нащупали дно. Потом все бурно радуются, всячески обсасывают эту «новость». Потом наступает новый месяц, и мы опять нащупываем дно, забыв о том, что уже сделали это в прошлом месяце. И так уже седьмой раз.

Если раньше в этот процесс удавалось вносить хоть небольшое разнообразие — за счет ротации «говорящих голов», то теперь все, кто мог, уже по несколько раз отметились, и, похоже, им самим уже надоело подыскивать новые аргументы. Хочется чего-то новенького, чего-то более позитивного. Например, модернизации.

Честно говоря, и мы тоже устали говорить о кризисе. Понятно, что он продолжается, приблизительно понятно, как он будет идти дальше. Понятно, что предстоит еще одна девальвация рубля: о ее необходимости и объективной обусловленности мы говорим те же самые семь месяцев. Слава Богу, сегодня это, кажется, понятно и руководителям всех экономических ведомств. Если проанализировать их высказывания, а также те практические меры, которые принимает, например, Центробанк, становится ясно, что подготовка к девальвации идет полным ходом.

Единственное, что нам неясно — это когда девальвация все-таки произойдет. Впрочем, здесь мы не одиноки. Похоже, что упомянутые руководители ведомств тоже не знают, когда.

Это ведь только в воображении некоторых недалеких пропагандистов руководство страны представляет собой единую команду: группу людей, которые могут собраться, откровенно поговорить друг с другом, объективно оценить ситуацию и принять решение, что делать. А главное, взять на себя коллективную ответственность за принятое решение.

На самом же деле все происходит совсем иначе. Даже когда каждый из чиновников по отдельности понимает критичность ситуации, и даже если понимание у них всех одинаково, собравшись вместе перед глазами высокого начальства (и еще надо уточнить, кого именно, «Гаранта Конституции» или «Отца нации»), они его не предьявят.

Они будут рассказывать друг другу, что ситуация благодаря их усилиям день ото дня становится все лучше и лучше, а если и есть какие-то сложности, так это потому, что кто-то другой не доработал, не выполнил мудрых указаний, принятых на предыдущем таком же точно заседании.

И тот, кто первым попробует высказать свое мнение (полностью разделяемое всеми остальными), будет тут же заклеивен своими коллегами как паникер, пораженец и саботажник. Ибо утопить товарища считается более почетным, чем спасти страну — это неотъемлемая часть образа «эффективного менеджера».

Здесь достаточно вспомнить, что недавно произошло с членом национального банковского совета Анатолием Аксаковым, осмелившимся сказать то, о чем все остальные предпочитают молчать — о необходимости девальвации. Руководство Госдумы, оно же руководство «Единой России», немедленно заговорило о необходимости его отзыва из состава упомянутого совета. И что, кто-нибудь думает, что с кем-то другим поступят иначе?

И договориться друг с другом никто не может, поскольку доверять никому нельзя, а доверчивость — признак неэффективных менеджеров, которых в руководстве страны быть по определению не может. Вот так и получается, что в условиях почти абсолютного консенсуса чиновники вынуждены осуществлять сложнейшие взаимные маневры, лишь бы не подставиться. И ждать: а вдруг случится что-то такое, в результате чего девальвация произойдет сама собой, и никто персонально за это отвечать не будет. Что ж, подождем и мы.

А пока, действительно, поговорим что ли немного про модернизацию.

Это ведь очень интересно, как понимает руководство страны сам термин «модернизация». Не знаем, как у других, а у нас создается впечатление, что речь идет о том, чтобы найти какой-то волшебный объект: не нефть, но чтобы результат был такой же, как от нефти: «мы сидим, а денюжки идут». И даже чтобы был лучше нефти: на нее-то спрос время от времени падает, а тут — чтобы не падал, а все время только рос.

Можно ли найти в современном мире такой объект? Обычно принято ссылаться на Китай — мол, он-то модернизацию провел успешно. Смотрите, как рос, да и нынешний кризис ему нипочем: наоборот, весь мир, затаив дыхание ждет,

что китайский рост всех остальных из трясины за собой вытащит.

Что касается устойчивости китайской экономики к мировому кризису — тут еще надо будет посмотреть. А вот что касается китайской модели модернизации... Да, Китай, вернее, китайская элита нашла себе вполне приличный источник богатства, не хуже чем нефть. Это китайский нищий крестьянин, гонимый из деревни страшнейшим аграрным перенаселением, готовый за 50-200 долларов в месяц работать по 12-14 часов — лишь бы выбраться из беспросветной нищеты, лишь бы обеспечить своему ребенку чуть более лучшую жизнь, нежели была у него самого. Это — основа модернизационного проекта Китая. И не его только. Все модернизации в мире в последние десятилетия проходят по одной и той же модели.

Есть у нас в России, где почти 2/3 населения живет в городах и где молодежь чуть ли не поголовно получает высшее образование, такая основа? Мы не будем говорить сейчас о качестве этого образования — важен сам факт. И что, человек, считающий, что у него есть высшее образование, — он что, согласится на тяжелую, ежедневную многочасовую работу, никакого образования не требующую, а требующую только старательности и прилежания?

Еще раз повторим. Никакой другой модели модернизации в современном мире нет (нефть и прочие природные ресурсы не в счет — мы же альтернативу ищем).

Это не значит, что другой модели в принципе быть не может. Но чтобы ее выработать, необходимо, чтобы руководители страны собрались и по-деловому, не пуская друг другу пыль в глаза, обсудили все возможные варианты, задали друг другу неприятные вопросы, дали бы на них исчерпывающие ответы. Позвали бы специалистов, внимательно их выслушали. И неважно, будет ли от такого обсуждения немедленный результат.

Уже сам факт такого обсуждения был бы первым актом модернизации страны.

Но мы-то с вами понимаем, что это невозможно. Гораздо более простой, и уже решенный в принципе вопрос о девальвации чиновники вот уже сколько времени не могут толком обсудить.

А пока можно поговорить о «модернизации». Слово есть — а предмета нет.

khazin.livejournal.com

Отец всех кризисов — тюльпановый кризис

Сейчас стало очень модно составлять десятку «самых знаменитых» мировых кризисов. И первое место в ней прочно занимает тюльпановый кризис, или «тюльпаномания», как его называют голландцы.

Обычно об этом кризисе почти 400-летней давности пишут мало, однако история голландских тюльпанов заслуживает большего внимания, тем более что связана она с «нереальными деньгами».

Из Турции в Австрию

В середине 16-го века австрийский посланник привез из Турции в Европу несколько тюльпановых луковиц, которые были посажены в саду австрийского императора Фердинанда I Габсбурга. Присматривал за ними знаменитый французский ботаник того времени Шарль де ль Эклюз. Он смог создать необходимый для цветов климат, и тюльпаны в саду Габсбургов расцвели. Слухи об успехе Эклюза дошли и до руководства Лейденского университета в Голландии, которое предложило ему стать куратором университетского ботанического сада.

Из Австрии в Голландию

Осенью 1593 года Шарль де ль Эклюз прибыл в голландский город Лейден с секретным грузом тюльпановых луковиц. И уже в следующем году расцвел первый посаженный им в Голландии тюльпан. Эклюз занимался скрещиванием разных видов тюльпанов, пытаясь вывести сорта, которые можно было бы выращивать в голландском климате, и получить лепестки разных оттенков. Более двадцати лет ученый проработал в ботаническом саду Лейдена. Вскоре на цветы напала какая-то неизвестная болезнь (считается, что это был вирус) — бутоны тюльпанов принимали невиданные до этого формы, края некоторых лепестков стали как будто бы стриженными, появились новые оттенки. Именно эта аномалия и послужила началом тюльпаномании в Голлан-

дии. Только не подумайте, что в то время вся Голландия цвела тюльпанами. Цветы эти были символом роскоши, и присутствие их в саду голландцев свидетельствовало о высоком статусе хозяев в обществе.

Невероятные цифры

Почему тюльпаны имели столь высокое значение? Дело в том, что недвижимости и лошадей с каретами каждый богач того времени имел предостаточно, а вот тюльпан как раз был такой редкой и исключительной вещью, которая всегда могла поведать о богатствах хозяина. В 1623 году одна луковица популярнейших сортов тюльпана стоила 1000 гульденов. Много это или мало? Годовой доход среднестатистического голландца того времени составлял 150 гульденов, значит, ему почти семь лет необходимо было экономить, чтобы купить один тюльпан. Известны факты, когда тюльпаны менялись на недвижимость и землю. Продавцы тюльпанов того времени зарабатывали около 6000 гульденов ежемесячно. Некоторые сделки вообще поражают: например, в 1635 году 40 тюльпановых луковиц было продано за 100 000 гульденов. Самыми дорогими считались луковицы сорта «Semper Augustus» — известна сделка по продаже одной луковицы этого сорта по цене 6000 гульденов.

Тюльпановые биржи

Спрос на тюльпаны всё возрастал, а предложение было недостаточным. Многие голландцы погрузились в тюльпановый бизнес. В Амстердаме, Роттердаме, Гарлеме и Лейдене открылись тюльпановые биржи. На биржах торговались не только «живые» тюльпановые луковицы, но и ещё не выросшие. Там же заключались сделки на будущее, где люди обязывались покупать или продавать оговоренное количество тюльпановых луковиц за оговоренную сумму в назначенное время в будущем. В таких сделках продавались

не только не выросшие «дети» уже посаженных луковиц, но и луковицы, которые ещё только предстояло посадить будущей осенью. Сделки эти называли «торговлей ветром». Словом, кипела настоящая биржевая жизнь, в которой спекулировали не акциями, а тюльпанами. Многие голландцы, ведомые тюльпаноманией, продавали единственное имущество только для того, чтобы купить пару тюльпановых луковиц и позже продать их подороже.

Пузырь тюльпановой мании

Цены на луковицы тюльпанов с каждым годом росли. Но в 1637 году случился перегрев рынка — цены достигли таких высот, что спрос резко упал. У задолжавших и нищих голландцев осталось множество тюльпановых луковиц — но их было некому продать. В тот год цена на луковицы упала в 100 раз. Такой обвал цен ударил и по всей голландской тюльпановой промышленности. Тюльпановый кризис стал причиной последующего финансового кризиса в Голландии: оказалось, что вся экономика страны была сосредоточена на тюльпанах. Пострадавшие граждане стали винить в провоцировании тюльпанового кризиса правительство, ограничившее биржевые спекуляции тюльпанами. Понятно, что правительство Голландии лишь «закрыло дыру», позволившую ценам на тюльпаны вздуться до заоблачных. Не все понимали, что чем раньше пузырь тюльпановой мании лопнул бы — тем легче были бы последствия.

Ситуация, сложившаяся с ценами на тюльпаны того времени, имеет сходство с нынешней ситуацией цен на недвижимость. Наш пузырь на рынке недвижимости лопнул так же, как и пузырь тюльпаномании 400 лет назад. Вот только тогда пострадала одна Голландия, а сегодня — весь мир.

Сергей Исрапилов

Пора приходить в себя

Все меньше реальных благ,
все больше иллюзий

Современную Россию вполне можно считать страной, где уже сложилось «общество потребления». Но, в отличие от богатых стран «золотого миллиарда», у нас главный потребляемый товар — это образы и иллюзии. Ради того, чтобы покупать эти иллюзии, мы порой экономим даже на продуктах питания или качественных товарах повседневного спроса.

Блестящие рекламными огнями мегаполисы, потоки престижных иномарок, безумное веселье ресторанов — да, трудно было не поддаться соблазну и не увидеть в изобилии последних лет приметы земного потребительского рая.

В «сытые» 2000-е годы доходы россиян в долларах эквиваленте выросли в несколько раз. Мы покупали много всего — нужного и не очень. Было хорошо, но это — «в среднем по палате». Кто-то скупал яхты, футбольные клубы, акции зарубежных компаний и бриллианты, а большинство просто выкарабкивалось из беспросветной нищеты 90-х годов.

В реальности в последние шестнадцать лет произошло существенное сокращение потребления важнейших благ. Официальная статистика подтверждает, что ухудшение потребления имело место по большинству товарных групп. Ниже, в таблице мы приводим данные Росстата. По сравнению с концом 1980-х (помните, это когда были очереди и дефицит!), наши соотечественники больше ограничивают себя в питании; стали меньше ездить на поездах и реже покупать авиабилеты.

зом, если вообще имеет смысл говорить о смене «потребительских эпох» в России, то последние шестнадцать лет — время сокращения потребления жизненно необходимых товаров.

Равнодушие — изнанка потребительства

Практически повсеместно мы видим ухудшение «входящего трафика» социальных благ. Социальный пирог сжался до пирожка с картошкой. Но Россия все еще ослеплена блеском роскоши и потребительства.

В 2000-е годы статистики гордились вздувшимися цифрами, а граждане в долг скупали иномарки и плазменные панели. О решении реальных проблем никто и думать не желал. Однако даже сейчас, на фоне кризиса, настроения потребительского общества оказались поразительно живучи. Наша элита неохотно расстается с иллюзией успехов. А население просто ждет, когда «распогодится», поднимут зарплату или простят долги по кредитам.

Беда России не в том, что беды одной части россиян не затронут их более удачливых сограждан. Проблема в том, что между беднейшими слоями России и богатой, благополучной ее частью пропасть столь глубока, что население благополучных мегаполисов вообще не представляет истинных масштабов бед своих сограждан.

В 90-е я служил в депрессивном сибирском городке Юрга. Телевидение обсуждало подробности войны на родном мне Кавказе, а я своими глазами видел трупы замерзших бомжей на юргинских улицах. Но стало ли в «сытые» 2000-е

российское общество хоть чуточку терпимее к бедствующим согражданам? Недавно телевидение скрытой камерой снимало реакцию россиян на просьбы переодетых «бомжей». Большинство прохожих брезгливо морщились или проявляли агрессию. А ведь в трудной ситуации всего двое суток без пищи — и современный человек превращается в тупое животное, покорно дожидаясь своей собственной участи.

Потребление во вред здоровью

Статистика наглядно показывает опасное для общества снижение уровня потребления. Беда в том, что те, кто, не занят тяжелым трудом и имеет досуг читать статистику, сыты и относительно довольны жизнью. И, за малым исключением, в их сознании редко просыпается беспокойство за других.

Кроме того, долгое время реальное уменьшение потребления вуализировалось общим сокращением населения РФ и рынком кредитования, позволявшим жить в счет будущих доходов.

Еще более важным фактором, маскировавшим сжатие потребления товаров и услуг, стало растущее потребление образов. Вкушение иллюзий — вот истинный характер нашего современного потребительства. Как показывают данные продаж, россияне все охотнее платят за самообман.

Так, с 2000 года в стране почти в 4 раза выросло количество покупаемых телевизоров. Это — один из немногих рынков потребительских товаров, демонстрирующий столь хорошую динамику. И — наглядный пример роста потребления иллюзий нашим обществом.

Не с погоней ли за иллюзией связан и рост про-

даж алкоголя — более чем в 3 раза за пятнадцать «постиндустриальных» лет?..

Или еще один пример. Как преподаватель, я часто вижу студентов, общающихся по сверхдорогим смартфонам и айфонам, но обедающих всухомятку — пирожками и газировкой. Можно сказать, что в наших школах и вузах это повсеместное явление. Трудно сказать, какую пользу извлекают молодые люди от общения по этим дорогим «гаджетам». Но очевидно, что эта польза меньше вреда, который они приносят своему здоровью.

Чем победить апатию?

Наше общество все больше напоминает зависший компьютер. Мы еще потребляем какую-то энергию, но уже неспособны преобразовать ее в позитивный и адекватный импульс, хотя бы даже в перезагрузку. Основная часть населения не отрывает глаз от пола, дороги или земли, работает, надеясь, что те, кто «наверху», примут правильные решения. Но и наверху, в «элитах», большинство озабочено лишь проблемами собственного выживания.

Более того, чем выше, тем страшнее поднять глаза и увидеть общую картину. Даже интеллигенция порой сознательно превращается в «офисный планктон», хотя может видеть и понимать больше других. Пару лет назад в обиход даже вошло модное словечко: «ТУПО». Тупо работай, тупо зарабатывай, тупо отдыхай...

Мне кажется, эту ситуацию уже нельзя решить традиционными политическими инструментами. Нет такой реформы, что могла бы победить апатию, деградацию или вырождение. Бессмысленно говорить политикам: сделайте то-то — и все станет хорошо. Тут ведь глобальная проблема: рядом, буквально под боком тонет Европа, поодаль кренится Америка. Да и если бы это была проблема лишь России, разве было бы легче?

Нет, в этой ситуации не может быть готовых решений. Но, наверное, кое-что еще можно сделать... Прежде всего — надо отказаться от иллюзий.

Напрасно кто-то надеется отсидеться в «тихой гавани» и все еще таскает общие продукты в припрятанный для себя плотик. Это безумная надежда, ибо больше не будет тихих гаваней. Если огонь внезапной бедности полыхнет по самым тихим местам, то там же взорвется и криминальный котел.

Что же делать? Прежде всего, надо перестать все делать ТУПО. Надо оглянуться и принять правду, какой бы неприятной она ни была. Надо протянуть руку тому, кто ближе, помочь тем, кому хуже. И перестать радоваться проблемам других, ибо на нашем корабле «чужих» проблем больше нет.

www.rpmonitor.ru

Динамика физических объемов потребления

Годовое потребление основных продуктов питания, на человека, кг., т.ч.:	1989	2000	2008
Хлебные продукты	115	118	101
Мясо и мясопродукты	69	46	55
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	369	229	240
Яйца, шт.	309	210	250
Расходы по оплате квартиры и всех коммунальных платежей в структуре семейного бюджета, в %	3	7,8	12,5
Покупка телевизоров, млн. шт.	4,9	2,5	9,7
Строительство жилья предприятиями и организациями всех форм собственности, тыс. квартир	1210	375	714,1
Перевозка пассажиров железнодорожным транспортом, млн. чел.	2372	1419	1278
Перевозка пассажиров воздушным транспортом, млн. чел.	90	22	40
Посевная площадь всех сельскохозяйственных предприятий, млн. га	112,1	69,1	76,9
Поголовье КРС, млн. голов	45,3	16,4	21,1

Сжатие потребительского пирога

Но статистика не в состоянии передать всю глубину происшедших в нашей жизни перемен. Ведь сегодня далеко не у всех есть возможность получить бесплатно квалифицированную медицинскую помощь. После завершения реформы высшего образования значительная часть молодежи не будет иметь возможности поступить в вуз. Все сильнее стареет инфраструктура ЖКХ, и даже сами дома, построенные 40-50 лет назад, вот-вот исчерпают свой жизненный лимит. И, наконец, все более очевидной становится неудача пенсионной реформы, что грозит весьма неприятными последствиями миллионам граждан стремительно стареющей страны.

Даже длительный период экономического роста (2000-2008 гг.) не смог компенсировать провалы 90-х. На потребительском рынке в 2000-е годы рост, как правило, шел в сфере «новой экономики» — то есть в сфере модных игрушек, навязанных потребителю массивной рекламой.

А потребление важнейших товаров и продуктов питания стремительно падало. Таким обра-

людием законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № (7)31 Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 27.08.2009 в 17.00 по факту 27.08.2009 в 17.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов. Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

По всем вопросам связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской газеты звоните по тел. редакции 8 922 903 3776

Газета
«Точка Ру»

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@rossii.ru